

М. А. ВОРОНОВ

Летняя жизнь в столицах

(Из заметок путешественника)

I

ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА

Весна действует одинаково выпирательно как на петербуржца, так и на москвича. С самого Пафнутия Боровского (по-московски), т. е. с первого числа мая (по-петербургски), и тот и другой лезут вон из города, москвич сухопутьем, загромождая своим скарбом узкие улицы и вывихнувшиеся переулки, петербуржец — водою, вдоль многочисленных каналов, речек и реченок, покрытых живописно разбросанною разноцветною плесенью. Дни идут за днями, а столицы все пустеют да пустеют, так что к Пахомию (по-московски), т. е. к пятнадцатому мая (по-петербургски), Москва имеет вид, как бы разоренный французом, Петербург — разрушенного наводнением.

Но, ах, уж где же ты, юдоль человеческого счастья, увлекшая одержимого водянкой, ленивого, неповоротливого москвича?! Отзовись, откликнись, ты, эдем желанный, врачующий золотушного, вечно стремящегося, алчущего и жаждущего петербуржца!..

Сокольники, Богородское, Черкизово, Останкино, Кунцево, Давыдково, Коломенское, — вот летнее седалище московской плоти; Лесной, Парголово, Петергоф, Павловск, Полюстрово, Новая Деревня, — вот лечебница изнуренного петербургского духа.

Но так как живой, подвижный, вечно толкущий и никогда не отверзающий петербуржец остается таким же и на даче, и так как ленивый, сытый, снулый и хмурый москвич-горожанин ничем не отличается от такого же москвича-дачника, — то мы считаем

не лишним провести здесь параллель между Петербургом и Москвою вообще, без всякого отношения к времени года и месту нахождения каждого из граждан сказанных столиц.

Петербург *выстроили* на болоте для известных стратегических, торговых и образовательных целей; Москва *сама выстроилась*, благо луговина сухая да способная подыскалась. Петербуржец, хотя и подвижен как ртуть, но если куда забирается, то забирается как известная болезнь *рак*, глубоко и прочно: выжег его в одном месте, смотришь — в другом выскочил; москвич сидит больше поверхностно, точно мозоль, так что срезал его и конец делу, разве в полицейских известиях появится лишняя строчка: «Найдено-де неизвестно кому принадлежащее мертвое тело». Петербург мало-помалу начинает почитать газеты, интересуется политикой и внутренней жизнью, заглядывает в журналы, перелистывает книги; москвич во всех отраслях знания довольствуется одной сплетней и если читает что-нибудь, то читает только для подкрепления слуха, уже пущенного в оборот какой-нибудь просвирней или юродивым. Петербуржец говорит: «Я читал трактат “О теплоте”, не помню автора, но книга, *кажется*, пререзанимательная»; москвич восклицает: «А Иван-то Иваныч... что дом на Собачей площадке купил... еще жена наемднн тройни родила: книжку, слышь ты, не то грамоту какую сочинил». Петербургский купец ни за что вас не обмеряет и не продаст гнилого товара: он только возьмет полтора процента на рубль; москвич непременно сделает при продаже уступку копеек в десять ниже фабричной цены, но зато всегда обмеряет и сбудет покупателя гнилье и брак. Петербуржец, встретивши москвича на стогнах своего города, долго присматривается к нему, думая определить место происхождения, и все-таки в конце концов бормочет: «Эк, какого странного человека выплюнуло откуда-то издалека»; москвич, натолкнувшись на приезжего щеголеватого петербуржца, сразу узнает его: «С приездом, — восклицает он; что новенького у вас в северной Пальмире; пожалуйста ручку-с, в Троицкий шаркнем». Петербуржец не верит ни в духов, ни в чертей, даже невинные спириты в нем, если не попадают на девятую версту, то держатся как-то непрочно, точно лишай на здоровой древесной коре; москвич крайне суеверен и охотно припускает к себе нечистую силу, почему дружит со спиритизмом и убежден, что в заброшенном доме на Остоженке водятся черти. В Петербурге существует две Миллионные улицы; в Москве — один Мертвый переулок, да и тот в приходе Успения на Могильцах. Петербург не без удовольствия смотрит в телескоп и микроскоп: «Занятные, говорит, штучки-с»; Москва в телескоп и мик-

роскоп не смотрит: «Грех, говорит, глаза отводит». В Петербурге есть хоть какая-нибудь литература: то переведут что-нибудь порядочное, то скомпилируют, то передразнят ловко, — смотришь, нет-нет, да и вырежется человеческий голос; в Москве литература вполне выражает собою *жизнь*, почему вопли кликуш, прорицателей и убогих властительно царят надо всем. Петербург — офицер или чиновник, Москва — купец или дворянин-недоросль. Петербург — зябнет, Москва преет. Петербург курит, Москва нюхает. Петербург лезет в вышину, точно *salto mortale* делает, Москва стелется по земле, словно вприсядку пляшет. Петербург кутит, Москва гуляет. Петербург думает, Москва разводит руками и т. д., и т. д. Словом, Петербург движется, находится в переходном состоянии: а Москва со времен Ивана Калиты и боярина Кучки как застыла, так и остается тою же Москвою, несмотря на бесчисленные призывы и подталкивания: «Наши отцы и деды не глупее нас были, да не гнались за новыми порядками», — говорит она.

Чем являются пред нами петербуржец и москвич вне своего обыкновенного логовища, т. е. на даче, об этом мы позволяем себе распространиться в следующих статьях.

1865

